Книга в газете

Специальный выпуск

МИХАИЛ БАЗАНКОВ

НА ДРУГУЮ СТОРОНУ ЗЕМЛИ

Часть первая

1994 год

Перемены, если ими не руководят мудрые люди, иногда разрушают больше, чем приносят с собой. Покуда какая-нибудь мудрая личность не вмешается в процесс перемен, не станет следить за ними, перемены могут уничтожить ничем не заменимые вещи...
Уильям ФОЛКНЕР

I

В дальних путешествиях по заграницам лучше представляешь пространство своей Родины, лучше видишь и понимаешь талант и достоинство земляков, обостреннее чувствуешь грядущие свершения и трагедии. Впервые пришел к этой мысли из собственного опыта несколько лет назад, получив возможность присмотреться к жизни поляков. Встреч было много, помнятся они теперь, но поездка кратковременна — и потому я не писал заметок о Польше... Визит в Америку готовился долго, надо сказать, без особых усилий с моей стороны — случаю угодно было сделать выбор на мне, как-то само собой получилось. Однажды Б. К. Коробов, глава Костромской администрации, попросил ответить на письмо американской писательницы Джуди Хоган. Ответил — завязалась переписка с ней и с Ричардом Беркли, отвечал на другие письма, подготовил несколько публикаций. Принимал американку с сыном у нас в Костроме, встречался с представителями

деловых кругов. Впрочем, моя дорога в Америку началась гораздо раньше, еще в 1985 году во время учебы на Высших литературных курсах. Профессор, специалист по американской литературе, анализировал творчество Уильяма Фолкнера и открыл его столь убедительно, что этот певец народной жизни Южных штатов показался близким по духу и философии. Я заимел шеститомник американского писателя, прочитал и появилось желание размышлять не только о книгах... Мои суждения об особенностях творчества Фолкнера, высказанные в письмах, показались американским интеллектуалам интересными, они решили: пусть русский писатель приедет в Оксфорд, пусть увидит Южные штаты — родину тех, кто живет в фолкнеровских романах...

Все было подготовлено, организовано, оплачено. Оставалось прибыть в Москву, без предъявления каких-либо документов в Центре Международной торговли получить билет туда и обратно. Не было чемоданов, не было переводчика, не было провожающих. Не было и знания английского языка. Решительно и рискованно я пустился в путешествие за океан на Запад. Российский пахарь всегда начинал свой день взглядом на утреннюю зарю — так думалось, когда выходил к авиалайнеру компании «Дельта». Открытие Америки началось вхождением в комфорт перелета по высокому международному классу. Началось вместе с рассветом — иностранный самолет будто бы спешил от утреннего солнца...

Короткая передышка во Франкфурте,

последнее прикосновение к европейской земле. За редкими хлопьями облаков проглядывают знакомые ландшафты. Какие они понятные: там дорога в полях, там—река и зелень парков, краснеют городские кварталы... Уже не Россия, но родной материк. Дороги наших солдат до Эльбы... Вот уже другая страна издали видна. Вот кромка суши. Воображаю себя будто на корабле, который только что отчалил, начав кругосветное путешествие. Легкое подталкивание океанских волн. Нет, это воздушные волны... Волны общего воздушного океана. Смыкаются две стихии в одну... Иное пространство, иные ощущения и думы. Может быть, вырвавшись из привычного круга замкнутого повседневного вращения, человек получает возможность без каких-либо усилий стать самим собой. По-другому видится пережитое, появляются другие ориентиры в оценке родных, друзей и недругов. Перед бездной пространства отступает бытовизм, на высоте, чуть ближе к Богу (?) мысль тянется к вечным вопросам бытия. Низменное и мрачное как бы забывается, оседает за пелену облаков. Хитрости и коварство изощренных сослуживцев становятся до смешного очевидными. Наивные вопросы сыновей из раннего детства — значительны и мудры. Думаешь о том, как бездарно растрачены силы, сколько проронилось дней, месяцев, лет в занятиях совсем необязательных. Сколько пустяшных слов сказано, сколько дурных и озлобленных собраний пришлось переслушать.

Зачем все это вам, люди, имеющие такой короткий срок на белом свете?

— не давал покоя вопрос.

Гул самолета становится привычным и совсем отстает, забывается. Бесшумный полет между двух океанов. Не в далекий ли Космос уже прорвались. Где родная Земля? А-у! То ли сам кричу, то ли моторы так воют... Вот однажды улетишь и, может быть, будет казаться, что нескончаем полет. «Простите меня, люди, — думается с болью, — если обидел словом, невниманием, если неправильно оценил старания. Простите великодушно. В моей душе нет скверных движений в Вашу сторону, дорогие мои земляки. Хорошие, лучшие. Люблю всех. И всем желаю добра...» Это было летом 1992 года. Тогда я еще не знал, что состоится и второе сорокадневное путешествие... осенью 1993 года.

...Что я здесь делаю,
зачем таскаюсь в чужой
стране между чужими?
И. С. ТУРГЕНЕВ.

II

Дума за думой...

Волна за волной — два проявленья стихии одной. Это давно... давно уже сказано. Известие за известием — новые тревоги. Когда сердце матери бьется спокойно — дети хорошо спят, они даже на расстоянии «догадываются» о самочувствии матери. Семьдесят ударов в минуту отсчитывает спокойное сердце и дети спокойны. Семьдесят биений в минуту — это и есть нормальный ритм для мировой музыки. Но чуть больше биений — возникает беспокойство. Это доказано учеными наблюде-

ниями. Как много надо устроить, чтобы наши сердца бились ровнее, чтобы не глушила нас взбешенная музыка. Не пора ли россиянам возвращаться к своим песням и мелодиям, не довольно ли плясать под чужую дудку?

Такая дума накатилась, когда напряженный гул оторвал самолет от земли и потянул за океан. С нее и начать бы путевые заметки. Но вот по радио сообщили: 30 декабря: в США ударили морозы, погибают бездомные люди, в Нью-Йорке около ста тысяч человек не имеют крыши над головой. В середине ноября мы видели посреди Даремa спящих на клумбах... Сегодня на улицах Костромы толпа за толпой двигаются по морозу в разные стороны. Чего-то ищут, куда-то спешат. Безработные, что ли? «Почему везде так много людей на улицах? — спрашивал американец Джон Джордан минувшим летом у нас в Костроме. — Куда они спешат? Им что нечего делать?» После этого вопроса мы не решались возить его по улицам вблизи рыночных толкучек. Просто было стыдно: при такой бедности, неустроенности столько людей занято торгашеской суетой. (На улицах американских городов не торгуют).Наши города захламлены ларьками, толкучками, комками с пестротой наклеек на сомнительных товарах. Там этого нет. Бедные и потому, может быть, наивные туристы из Костромы, когда поездки за границу случались еще не так часто, как в девяностые годы, воспринимали западную жизнь с придыханьем и завистливым возгласом «у нас этого нет!». Помню, в Польше (даже в этой небогатой стране) моло-

дой наш художник, возбужденный свежестью впечатлений, восторгался на каждом шагу, вызывая то улыбку, то печаль, то сожаленье. Окажись он вместе с нами на другой стороне земли, когда самолет очень долго пробивался к Вашингтону, этот впечатлительный попутчик и толщу облаков посчитал бы преимуществом капитализма. По-другому и думать он теперь не может, потому что политизированная пропаганда со всех сторон убеждает: обеспеченную и свободную жизнь в России можно выстроить только по чужим чертежам.

Каждый человек по-своему открывает Америку, делает свои открытия, изобретает свой велосипед. Чтобы иметь собственное мнение, лучше не один раз увидеть, чем поверить в сказанное другими про загнивание и «города желтого дьявола», про свободу, демократию, рынок, бизнес и добрые намерения дельцов, занятых поиском сырья, дешевой рабочей силы, «свободной нефти и других природных ресурсов».

Второе длительное пребывание в образцово-показательной стране позволяет выверить первые впечатления и в этом смысле дает мне преимущество, которым я не хотел пользоваться в поездке с коллегами, владеющими пером, — профессором Юрием Лебедевым и священником Вячеславом Шапошниковым. Первой заботой кроме всего прочего было облегчение по силе возможностей их путешествия. Так сказать, при мне были два генерала, которых предстояло прокормить почти сорок дней не на острове, а на американском материке. Конечно, они не генералы из произведения Салтыкова-Щедрина, но в определенные моменты пытались держать себя именно в генеральском положении...

Нередко приходилось нам вспоминать великого сатирика, его глубокую боль за человека, раздавленного, обезображенного, испачканного всем строем российского крепостничества или западного капитализма. Он же признавался, что любит Россию до боли сердечной, даже не мыслит себя где-либо, кроме России. Только раз в жизни пришлось ему выжить довольно долгий срок в благорастворенных заграничных местах. И тогда не было ни одной минуты, в которую сердце его не рвалось бы обратно. «Хорошо там, а у нас... положим, у нас хоть и не так хорошо... но, представьте себе, все-таки выходит, что у нас лучше. Лучше потому, что больней. Это совсем особенная логика, но все-таки логика, и именно — логика любви». С такой логикой и мы всматривались в разнообразие проявлений жизни на другой стороне земли.

Вот они — американцы, а среди них мы — русские из провинции, отчетливо понимающие, что действительность почти всегда избегает кабинетных идей и четко сформулированных правил. Все не так просто, как мы иногда думаем, жизнь более сложна, удивительна и причудлива, чем филосовское тугодумство, какая-нибудь концепция или теория. Помнится, сам Лев Толстой сказал, что цель художника — «заставить нас полюбить жизнь во всех ее бесчисленных и бесконечных проявлениях». Да, русские и американцы далеки друг

от друга, очень различны из-за многих особенностей проживания: географических, исторических, социальных, политических. Но, как заметил Уолт Уитмен, все же в чем-то, весьма большом, важном и главном, очень похожи. Эта похожесть определяется не на уровне высокой политики, стратегической конкуренции, а в непосредственном общении на конкретном человеческом, душевном уровне. И логика любви, какою владеют еще люди российской провинции, в последнее время особенно привлекает американцев и потому потянулись они к нам, потому и готовы они были оплатить все расходы, связанные с нашим путешествием. Они уже начинают ценить эту единственно важную роскошь —человеческое общение. И хотя им трудно по переводам, которым не поддается гений, понимать Пушкина, не знают они особенной логики любви, но таинство русской души, народного терпения, стойкости их привлекает. Многие из них не имеют потребности знать о причинах российских трудностей. Неведомо им, что на Руси и в прошлом веке мучительно думали лучшие умы о каком-то нравственном гнете, о каком-то чувстве нравственного измора, которое мешает жить, которое не дает установиться гармонии духа и тела, внутреннего и внешнего существования. Фальшь и пошлость нашей общественной атмосферы (по Аксакову) и чувство безнадежности, беспроглядности давят нас... Разве избавились мы от этого гнета? Разве полегчало на душе россиян после бессонной ночи, когда под залпами танковых орудий обуглился в центре столицы Белый дом?

Разве могли мы вступить на землю Вашингтона без логики печальной любви к Отечеству, к многострадальным соотечественникам и землякам? Разве нет у нас причин вспоминать «Историю одного города»? Щедрин давал пояснение: «Изображая жизнь, находящуюся под игом безумия, я рассчитывал на возбуждение в читателе горького чувства, а не веселонравия». Еще в Москве, возле американского посольства, «созерцая» позорно-знаменитый теперь памятник российской трагедии (тщательно показанный по телевидению в течение многих часов) — наполовину сбугленный Дом, вспоминали мы авторскую находку, носящую название «Глуповского Летописца». Второй раз город Глупов пришлось упомянуть в центре Вашингтона, сравнительно подумав: возможно ли когда-нибудь увидеть «избитый» собственными орудиями американский Белый дом? Вопрос предполагал очевидный ответ. Вот и в этом наше различие с американцами. Об экономическом неравенстве и говорить нет смысла — давно сказано. Бедность писателей, живущих в провинции, унизительна, позорна. Оскорбительно равнодушие к положению творческих работников. Чего уж таиться, когда весь мир знает о нашем развале? Мрачная, трагическая Россия Щедрина, встающая со страниц его произведений,была не только оставленной за океаном, она была привезена в хваленую Америку нашими постоянными тревогами. Классическая литература была с нами. Значит, и Россия Щедрина, так же, как и погруженная в бездонные глубины духовно-нравственных исканий Россия Достоевского, и

величественно - эпическая с историями многих душ человеческих Россия Толстого, исполненная красок и запахов Тургеневская Россия. Некрасовская, Пушкинская, Чеховская Россия была каждый день и час с нами. И это ощущение многострадальной Родины делало наше восприятие иной жизни обостренно заинтересованным, аналитическим, всеохватным. Фотографируясь у памятника Колумбу, поняли, кто мы, откуда, зачем здесь... Переглянулись понимающе.

Летом 1992 года, отправляясь за океан в гордом одиночестве без элементарного знания английского, я сознавал рискованность путешествия. Но при всех препятствиях, чинимых «доброжелателями», имел намерение предъявить наконец право писателей на участие в программе сотрудничества городов-побратимов Дарема и Костромы. И надо признать, что удалось отстоять это право, потому у нас троих есть все основания благодарить городскую администрацию, председателя ее Б. К. Коробова. Теперь стало очевидно: первое намерение было искреннее, американцы проявили интерес к русскому писателю, прочитали роман, повести, рассказы, а затем устроили встречи с учеными, художниками, поэтами, фермерами, рабочими, активно собирались они на литературные вечера.

Все намеченное в первый раз (американцы не оставили идеи, предложения без внимания) получило развитие. Комитет по связям с Костромой спланировал культурную программу. Президент Комитета (бывший) Ричард Беркли и новый президент Дороти Осборн, писательница Джуди Хоган, поэтесса Сьюзен Бройли, доброжелательный и гостеприимный Джон Джордан, его супруга Маргарет, профессор Пол Дебрецени и знаток русской литературы переводчик Боб Ханкин и другие мои знакомые в Америке содействуют движению программы сотрудничества. Теперь подключаются художники, писатель Чарльз Итон, специалисты университетов, священники. Правда, моих забот прибавилось... Но без творческого общения, без участия работников культуры в программе сотрудничества невозможно узнавание подлинной жизни другого народа.

III

...И вот полетели за океан теперь уже три писателя. С билетами, оплаченными туда и обратно — такие мы были гости — пространство между Москвой и Вашингтоном преодолели легче и быстрее, чем расстояние от Костромы до аэропорта Шереметьево-II. Пробились сквозь толщу облаков... Нет усталости. Не очень приветливо небо, но ведь и над Россией оно не лучше было. Жительница Вашингтона Эвинг Шерон обещает показать город и его окрестности. А пока — на отдых.

Едем по городу, о котором много читали. Зеленеет по обе стороны молодая трава. То ли весна, то ли осень — не различить по траве. Но деревья живописно кричат о пышной осени. Уже и пасмурности нет. Машины, машины. Зеркальные окна различных офисов. И никаких трущоб. Вроде бы безлюдно, а не пустынно. Никто не толкается, не

слоняется без дела, не ищет работы, хотя все вокруг устроено, прибрано, предусмотрено для человеческого удобства. Широко, просторно (в метро замечаем, что у них нет подземных дворцов, все подчинено удобству, практичности). И только природа теперь напоминает нам о родине. Ни телевиденье, ни газеты, ни уличные транспаранты ничего не «кричат» о России — что это, притворство? или тактический ход? Обыкновенный политический расчет: о чем не говорят — то и не заслуживает внимания. Но мы знаем: есть «иностранные интересы» на территории бывшего Советского Союза...

Природа утешает, а думы не светлеют. Наша сентябрьская пестрота словно бы переместилась сюда на последний день октября...

А впереди — богатейшая программа длительного путешествия в пространстве иного мира, другого образа жизни. Впереди, как нам обещано, будет много солнца. Начинаем знакомство с Америкой в Вашингтоне. Сенат, центр «Культурная инициатива», национальный музей и картинные галереи, выставки, книжные магазины. Вхождение в американский ритм через атмосферу большого города, удивляющего размеренностью, спокойствием и простором.

Супруги Джон и Шерон Эвинг приютили нас. Они же деликатно демонстрировали свой жизненный стиль, собственный дом, библиотеку, любимые занятия, представляли нас родным и знакомым, открывали столичные «прелести». Все это достойно подробных описаний. Еще не реализованы богатые записи первого путешествия. Мои первые впечатления хранятся в блокнотах под общим названием «Приземленная Америка».

Есть вопросы: подтвердятся ли первые впечатления? что изменилось за два года? появились ли у моих знакомых американцев новые устремления, что их нынче волнует, как они относятся к событиям в России?

...Ночью на комфортных дорогах текут две огненные реки — одна тускло-красная, по которой мчишься под музыку из кинофильма «Последний из Удэгэ», а другая — встречная — яркая, многофарно слепящая. Штаты на колесах. Сердце щемит воспоминание о дорогах моей родины. Думается: не этим ли слепящим потоком автомашин продиктована международная политика?

— Чтобы понять эту жизнь, — говорил нам за кружкой пива земляк В. Б., искавший в Америке свое счастье с 1981 года, —нужно оказаться на дне и выкарабкаться. Это общество не прощает бедности. Бедным быть стыдно. Ни в одной церкви не услышишь проповеди той бедности, на которую уповает Христианство. И оно здесь приспособлено к потребностям капитализма.

По словам эмигранта, сочувствующего нам, писатели тоже испытывают чувство стыда из-за материальной нищеты. Он настойчиво продолжал мысль о том, что мы путешествуем в машине времени, оказываемся в атмосфере романов Диккенса. И задиристо, категорично вел разговор. Отрекомендовался: «Я — марксист, здесь стал марксистом. Бытие определяет сознание. Никуда Вы не уйдете от марксизма, от

Запада. Без прибавочной стоимости жизни на земле нет. Богатый более удобен богу...» И так далее. В блокноте остались многие его «категоричности». Вспомнились мне тогда мысли земляка В. В. Розанова из книги «Уединенное»:

«Посмотришь на русского человека острым глазком... Посмотрит он на тебя острым глазком... И все понятно. И не надо никаких слов. Вот чего нельзя с иностранцем».

О том, как мы вглядывались в жизнь за океаном, как общались с иностранцами, еще предстоит рассказать. Неторопливо, без отчетной обязательности. Без преднамеренья посторонн. него. По нечаянности воспоминаний.

* * *

Книга в газете

Специальный выпуск

● МИХАИЛ БАЗАНКОВ

Рай на узеньком полуострове

ЛИРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ИЗ-ЗА ОКЕАНА

Часть вторая

1995 год

..,Луна, спутница размышлений, пря_ чется все чаще, волны покрывает пепе_ льным налетом. Постепенно в бархати_ стой темноте они становятся пенисто_ белесыми. Пахнуло свежим снегом, может быть, это случилось потому, что вспомнилось: а у нас, в Костроме_ зима, метель разгуливается в полях и над буграми змеится поземка. А снег- то, оказывается, не только в Костроме. Идет он и в Техасе. Преступники тоже не только в Костроме да Москве обнаглели. В Чикаго, радио говорит, нельзя появляться вечером на улице. Родители детей в школы провожают с оружием в руках... А здесь тихо, Акулы у кромки прибоя не шныряют..,

К утру океан разбушевался. От са- мого горизонта пошел он волнистым фронтом на узенький полуостров и, казалось, в любой рассветный миг мо- жет исчезнуть этот рай. Не потому ли разгневается стихия, что сюда праздно- вать день благодарения приехало нема- ло грешников? Они приехали в рай, оставив джентльменские костюмы, мун- диры и рясы. Скрывая подлинность по- вседневных своих намерений, они ми- лы, добродушны, приветливы. Неопре- деленным силуэтом виднеется на вла- стном ветру какой-то проповедник, вскинувший руки к небу.

Райские дома у океана имеют осо- бенную жизнь, здесь поселяются вре- менно, чтобы отрешиться от мирских дел. День благодарения. Это как у нас праздник урожая. Благодарят и землю и коренных индейцев, которые научили англичан, прибывших обживать новые

земли, выращивать все необходимое. Но научив, сами оказались в унижении. О том и говорит старая индейская женщина.

Приехали родные Сьюзен поздравлять и нас с праздником: мать, сестра с мужем и сыном, дочь Сьюзен — дружная компания на двух машинах. Мать с явными чертами индейской принадлежности. В голосе иногда прорывается прокуренное дребезжание. Но прищуренные глаза проницательны. В них — добрый свет. Суждения этой женщины немногословны да точны. О разных образах жизни, о культуре, экономике, политике (потом она признается: «газеты да журналы постоянно читаю — весь мир при мне, а вот телевиденье наше — помешанное»). Удивляет совпадение оценок происходящего в мире и в нашей стране — мудрость людям не изменяет, если они не делают поспешно политику... Гости привезли маленький барабан, шумилки, стуколки, чтобы показать праздничные танцы... Воля хозяев, как поступить, на чем остановиться, что показать. И рассказать о светлых чувствах в таком обществе можно. Музыка — для нас, стихи — для нас, воспоминания — тоже. Мы не останемся в долгу.

Когда́ расстроенный кредит
Не бьется кое-как,
А просто на мели сидит,
Сидит себе, как рак, —
Кто ж тут спасет, кто пособит?
Ну кто ж, коль не моряк?

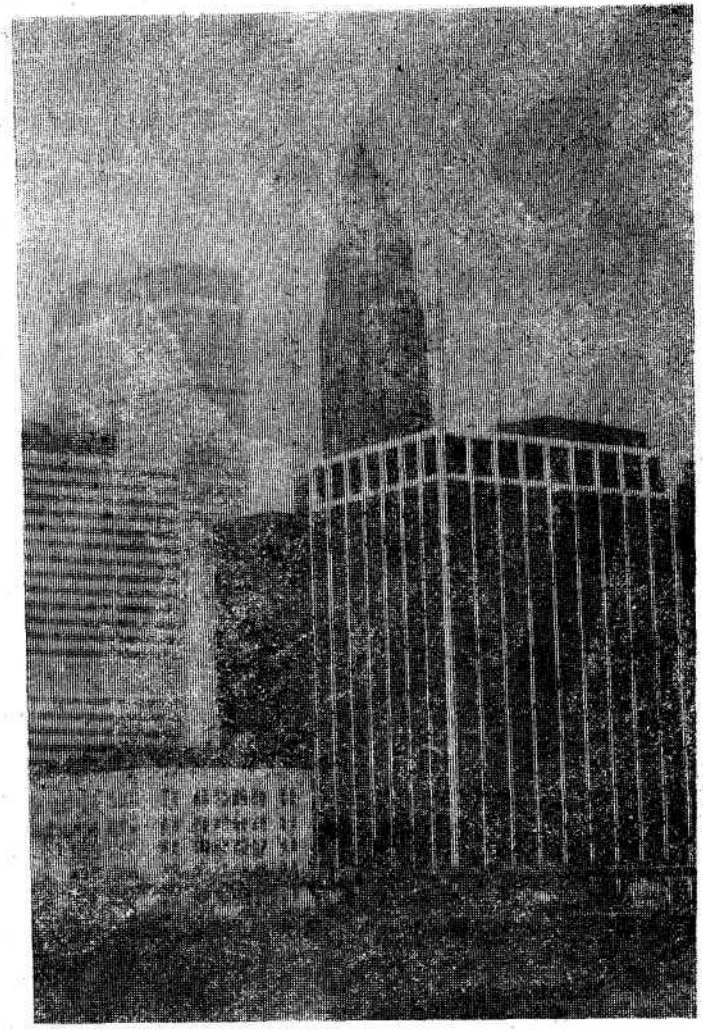
Дети легко воображают себя в любом образе — дети выручают доверчивостью, непосредственным поведением. Племянник Сьюзен что-то вкусненькое нашел в холодильнике и — на берег океана, воображать себя моряком на необитаемом острове. Дочь Сьюзен отсюда говорит по телефону с поклонником. И лучится ее красивое лицо. О, молодость светлая! Во всем мире заботы ее совпадают в определенные моменты. Взрослея, дети понимают печали родителей, но не хотят принимать их на себя. Уже хорошо то, что они знают: надежная основа жизни, всех странствий — семья.

На первый взгляд, в Америке берегут семейные добрые традиции, почитают предков. В каждом доме это можно почувствовать. Но живы и скверные традиции. Американцы преодолевают отчужденность между родственниками. Они пережили сексуальную революцию, устали от вседозволенности, внедренной навязчивой пропагандой и потянулись от пошлой экзотики к классическим семейным отношениям. Еще совсем недавно здесь всерьез говорили о проблеме «приватных насилий».

Только десять лет назад президент Рейган говорил о тревоге правящих кругов по поводу процессов, происходящих в семье. «Много лет назад американская семья составляла основную опору нашего общества, и это представляется мне чрезвычайно важным. Но затем семья подверглась неумолимым ударам». Тут и налоги, и социальная незащищенность, и порнографическая

литература, и статусная психология — представление о делении общества на три «класса» — высший, средний, низший — каждый из которых делится на три группы. Эта психология разъедает нравственную ткань семьи. По многим причинам американской проблемой стало насилие в семейных отношениях, этой проблемой занимаются врачи, сексологи, политики, экономисты. Особое внимание — трагической судьбе женщин. По данным журнала «Тайм», ежегодно 6 млн. женщин получают тяжелые травмы, увечья при систематических побоях дома. Есть книга исследований Р. Ленгли и Р. Леви «Избиение жен. Молчаливый кризис». Еженедельник «Тайм» отмечал: «Нет места, где творилось бы столько насилий, как дома... В условиях частной жизни в тесных квартирках и в роскошных особняках мужья и сожители избивают женщин». Такое бывало и раньше. Но практически никто, даже близкие соседи, не знали, какие драматические события разворачивались у семейного очага. Об этом сказано и в книге «Американская мозаика» — Превыше всего ценилось соблюдение благопристойности в глазах окружающих. Жертвы безмолствовали. Теперь положение меняется. Более половины всех американок вовлечены в сферу общественного труда...

Многие из тех, кого нам довелось узнать, живут уверенно, с достоинством, хотя нередко оказываются одинокими, без мужей. Наша Джуди Хоган уже давно предпочла быть независимой и по-своему интересно устраивает жизнь: много работает, путешествует, сочиняет стихи, ведет обширную переписку, в том числе и с россиянами. Динамично и разнообразно, творчески живет Сьюзен Бройли. Ее светлый, лучистый взгляд свидетельствует об этом. Много добрых, симпатичных женщин узнали мы в Америке. Красавица Маргарет Джордан, умеющая изящно вести домашнее хозяйство; она руководит хором в церкви, начала новое дело — открыла магазин. Специалист по литературе Кэрол Флэт, у которой недавно родилась дочурка, но она все-таки имела возможность работать с нами. Увлеченная, с тонким эстетическим вкусом Елизабет Езерски. Хозяйка галереи Джайн Тиндалли. Анна Беркли, жена Ричарда. Она работает в библиотеке графства Дарем, член генеалогического общества, служит в Комитете по образованию взрослых, является членом «Книжной группы» — много у нее интересов, общественных, как у нас говорят, поручений. Впрочем, независимых, уверенных в себе, в своей жизни американских женщин, известных нам, не перечислить. Но особо хочется сказать о Дороти Осборн. Она теперь Президент Комитета по связям. Костромичи ее знают и оценили душевные качества, организаторские способности. Восхищение и добрую улыбку вызывают при встречах Бетси Роллинс, Сали Саморел. О таких женщинах не только на берегу океана приятно вспоминать.



Американские небоскребы.

III

С утра белопенные волны атакуют отлогий берег. Разлохмаченные облака постепенно приподымаются, тончают. Проглядывает солнце. Все шире голубеет небо. До смешного устремленные куда-то строчат тонкими ножками крохотные кулички. Старший с достоинством наблюдает за ними: «Не так надо, ребята. Спокойнее. Жизнь и не спеша проживешь». Вспоминаю, как восприняли мои слова американские слушатели на одном из вечеров, простые вроде бы слова, а понравились они им: «Не торопитесь,,, Слушайте свое сердце». Через день появилась «карнизная» статья на газетной полосе под заголовком: «Русский писатель сказал: не торопитесь, слушайте свое сердце». Здесь, в раю, была возможность прислушаться к своему сердцу и осознать, что наполненность и смысл жизни не всегда определяет количество прожитых дней, а более точно — количество самых прекрасных дней, в которые тебе удавалось что-то новое узнать, почувствовать или открыть, записать с пользой для других.

Молодые кулички не унимаются — то тут, то там, словно из пены океанской, возникают торопливые бегуны, которым за день хочется успеть многое. Большие кулики степенной походкой прогуливаются: «Вот как надо. Не торопясь, не торопясь».

По кромке суши вдоль прибоя идешь как между прошлым и будущим, между вечным и сиюминутным. Есть что

вспоминать, чем гордиться. Чувствуешь себя в принадлежности к Великой России, к великому народу, к богатейшей неподражаемой, неповторимой литературе. Принадлежишь той земле, которую чувствуешь своей до боли сердечной, куда с тоскою спешишь возвратиться. К старому, к прошлому в философском смысле возврата нет. Но можно вернуться на родину, в свой дом, в свою семью, к своим повседневным трудам и заботам, которые нигде более тебе не даны.

Настоящее обворожительно, убаюкивающе только для праздно гуляющих в выходные дни американцев. Русский даже здесь не может отрешиться от всех тревог мира, от житейских невзгод и печалей, от духовных устремлений, от мыслей о семье и Отечестве. Без тревожных и горьких дум ни разу не удалось пройти по этой узенькой полоске земли перед Атлантическим океаном.

Хорошо стоит райский дом — на восток, в нашу сторону, широким панорамным окном. Не проспишь — можно встретить солнце встающее. Подниматься с восходом и здесь хорошо—день получается особенный, больше шагов нашагаешь по берегу, больше увидишь, передумаешь.

Сумерки падут разом — не заметишь, как и долгий день пройдет. И опять табунами белых коней в бархатистой темноте побегут волны с востока... Океан все время рядом. То рычит, то клокочет, то воркует. Какая жизнь в глубине его? Насколько отравлены эти глубины техническими устремлениями человека? Какие природ-

ные, неразгаданные силищи таятся? Разнообразный, непостигнутый мир — огромные пространства добрых возможностей. Местный аквариум, словно окошечко в подводное царство, позволяет взглянуть на самую малость невиданного, прекрасного, экзотического. Живописные существа, животные, рыбы, растения... И акулы за стеклом не страшны. И спрут не страшен. После экскурсии в аквариуме и лекции в морском музее можно представить, какая жизнь кишит возле твоих ног.

Теплый дождь, мелкое сеянье, как иногда у нас в грибную пору. По нашим домашним приметам суббота без солнышка не бывает. Первый дождь за целый месяц — подумать только. Первый дождь в ноябре, 27. Отбушевало многоцветье лесов, а океан не унимается. Ненастье разгулялось. Померкли экзотические пейзажи. Низкая свинцовая туманность нависла. После полудня, в тринадцать сорок пять — я почему-то взглянул на часы — громыхнул гром. Молнии охватывают половину небосвода. Наступление стихии на узкую полоску земли разрастается. Гул океана, молнии, гром, ливень. Кромешная мгла.

Вечером мы обсуждали главу из романа «Черные ангелы» негритянской писательницы Линды Беатрис Браун, маленькой и хрупкой женщины. Для нее рабство — незатихающая боль. До недавнего времени о расовой дискриминации она не могла писать; но теперь другая писательница, автор нескольких книг, даже получила Нобелевскую премию. Помнится мне горестное воспоми-

нание о своих школьных годах другой негритянской писательницы — со слезами на глазах говорила о многих унижениях и оскорблениях, которые ей пришлось пережить... Выходит, общие красивые слова о демократии не всегда высвечивают подлинность положения тех, кто может быть и сегодня ущемлен в правах.

Второй раз в Америке, много повидал, узнал, со многими людьми разговаривал на самые разные темы, но не могу делать категоричные выводы по насущным проблемам иного образа жизни: недостаточно убедительных фактов для обобщений, сравнительность по принципу «это у нас, а это у них» может оказаться субъективной. Один все-таки вывод можно сделать. Американцы во власти стереотипного отношения к России, руководствуются набором пропагандистских опорных точек в суждениях о жизни нашего народа: коммунизм, сталинизм, репрессии, свобода слова, КГБ, лагеря, коллективизация, перестройка, заслуги Горбачева, заслуги Ельцина... Некоторые американцы говорят: «Мы победили коммунизм в России», они считают это некой своей заслугой. Они всегда смотрели на русских с позиции негатива, побаивались «сибирской тайги» и «русских медведей». Им раньше казалось, что русские и мыслят по сводкам ТАСС. До сих пор в описаниях путешествий по России промелькивает то же самое самомнение и стереотипный поиск негатива по приметам бытовой неустроенности. Однако среди наших друзей оказалось много понимающих, искрен-

не удивленных душевными способностями, талантами, нашей культурой.

Мы имеем особые интересы к другим странам и ездим туда не осуждать, не искать «негатив», не учить, а всматриваться в другую культуру. В другие обычаи, чтобы осознать свое положение и выстраивать его с полной уверенностью в своих национальных ориентирах. Богатство мировой жизни, мировой культуры в многообразии. Вот и американский Президент Билл Клинтон во время визита, отвечая на вопросы в Москве, советовал в движении к демократии, в размышлениях о величии России опираться на мощную духовную энергию своего народа, на веру и национальную культуру. Важным показалось и то, как он подчеркнул свое мнение: нельзя никого считать незаменимым, пусть большинство правит в соответствии с Конституцией и уважает права меньшинства. (А нам часто говорили: «альтернативы нет»). Каждый день вносит изменения — тоже его мысль; но в движении к демократии большинство политиков заботятся о собственных амбициях.

В Америке мы очень мало говорили о политике. Заметки о пребывании в «раю» дописываю дома и потому врывается в текст сегодняшний политический день. Это заметки не украшает, но и от правды собственного самочувствия в атмосфере трагической нестабильности уклониться невозможно...

Океан давал нам светлые минуты. Думалось однако, что рай на песке не выстроишь, невозможно выстроить его на другом берегу океана даже в ком-

фортном доме. Никуда от себя не убежишь. Без надежды невозможно продвигаться по жизни, выстраивать рай в собственной душе. Она — единственное место духовного строительства. Ничто не происходит только сегодня. Быстрые перемены в человеке сомнительны. Надевая черную рясу, свою суть не прикроешь, в един миг подлинно верующим не станешь. Достоевский писал о всемирной отзывчивости русской души. На нее да на Бога и будем уповать. Об этом думалось под шепотливый плеск затихающего океана.

Утро было спокойное. Открылась даль, отчетливой выпуклостью очертился горизонт и через все пространство высветилась широченная солнечная дорога, зовущая на восток. Именно оттуда пришла теплая вода и поманила купаться. Бледнокожие решительно устремились навстречу волнам, которые казались с «крылечка» невысокими, а тут, того гляди, накроют. Взмахивая руками, словно молодые кулички, хорохоримся, чтобы удержаться под утягивающим отливом, семеним ногами. Бодрит волна, только подпрыгнул, добежал подгоняемый ею до надежной тверди и — снова подхватывает силища, отрывает от земли. Так и качаешься по-над землей. И сам себе кажешься невесомым. Тело разгорячилось, усталость и годы улетучились. Кричу: «Эй, Океанище, помоги сохранить бодрость духа и тела перед натиском российских невзгод!»

К огромному водяному пространству нельзя привыкнуть, оно каждый миг новое. Переменчив, разнообразен нрав океана. Разве жизнь наша не столь

Американские заповедники.

разнообразна и привлекательна? Разве нет у нас интереса к освежающим переменам?

Много неописуемых минут и мгновений подарил океан. Но расставание с ним бодрое, без печали. Впервые и, может быть, единственный раз довелось искупаться в Атлантическом океане и при этом узнать, что чувство рая испытывается в особом стечении обстоятельств, когда ты много уже прошел, пережил, испытал и научился ценить малую родину, думать о ней светло. Счастливые минуты приходят, когда знаешь, куда возвращаться и кто тебя ждет....

США, Северная Каролина —

Кострома — Межа.

◆

Использованы фотоиллюстрации из журнала «Америка».